

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

В условиях обновления современного общества, проблемы развития межнациональных отношений являются исключительно важными, так как от понимания их роли в консолидации народов и решении проблем зависят перспективы существования человечества. В этой связи представляет интерес рассмотрение проблемы влияния процессов модернизации и глобализации на национальное государство и, следовательно, на межнациональные отношения.

Понятие модернизации означает систему изменений (экономических, политических, культурных, психологических и т.д., включая демографические), которые претерпевает так называемое традиционное общество, превращаясь в общество современного типа. Такая характеристика, однако, является очень абстрактной, так как, по крайней мере, она не указывает на специфику современности. Ведь формально современность – это любой произвольно выделяемый период времени, определяемый двумя-тремя сосуществующими поколениями. Однако на деле это не так. Модернизация – это переход не в любую, а в весьма специфическую современность. Это, грубо говоря, – капиталистически организованная современность. Так, например, Ф. Тённис различал общность и общество как два типа социума, базирующихся на специфических социальных связях. Точно так же Э. Дюркгейм различал общества, базирующиеся на механической солидарности, и общества, базирующиеся на органической солидарности, возникающей вследствие разделения труда. Если принять терминологию К. Маркса, то речь идёт о переходе от системы отношений личной зависимости к системе отношений вещной зависимости.

Основными моментами модернизации считаются: индустриализация, урбанизация, индивидуализация, институционализация основных форм и сфер общественной жизнедеятельности, формализация социальных институтов, действующих на основе абстрактных и всеобщих юридических законов и правил. Но это и есть ни что иное, как переход от обществ традиционалистского типа (в основе которых, выражаясь терминами марксистской философии, лежат: феодализм, азиатский способ производства и тому подобные уклады). Однако сама проблема модернизации заключается не столько в самих по себе процессах индустриализации и т.д., если бы они являлись *естественным следствием* развития того или иного общества, подвергающегося процессу модернизации. Проблема заключается в том, что современный Запад (а это не только Западная Европа, но и США, и даже в большей степени США) исходит из презумпции правильности того исторического пути, которым пошла Западная Европа с начала Нового времени и считает необходимым во что бы то ни стало навязать свой образ жизни, мировоззрение, ценности и т.д. всем тем обществам, которые презрительно третируются как традиционалистские и, следовательно, «ущербные». Автор концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтон утверждает, что «модернизация не обязательно означает вестернизацию. Незападные общества, – пишет он, – могут модернизироваться и уже сделали это, не отказываясь от своих родных культур и не перенимая оптом все западные ценности, институты и практический опыт. При этом, какие бы преграды на пути модернизации ни ставили не-западные общества, они бледнеют на фоне тех преград, которые воздвигаются перед вестернизацией» [1, с. 112].

Нетрудно заметить, что Хантингтон под модернизацией понимает лишь заимствование не-западными обществами технических достижений Запада (телевидения, компьютеров, электронной почты, Интернета и т.д.). Но заимствования – закономерный феномен в существовании всякого общества на любой ступени истории. И если ограничиться современностью, то разве не существует заимствований Западом

специфически восточных (т.е. традиционалистских) феноменов? Ответ будет однозначно утвердительным. Запад увлекается йогой, тантрой, оздоровительными и боевыми искусствами Востока, тибетской и китайской медициной и т.д. Но можно ли на этом основании утверждать, что происходит «ориентализация» западных обществ? Разумеется, нет, так как все эти заимствования не затрагивают суть общественных отношений и основополагающих ценностей, на которых базируется специфически западная цивилизация, любое из западных обществ. Точно так же обстоит с не-западными обществами, когда они заимствуют те или иные достижения Запада. Эти достижения включаются в контекст традиционных общественных связей и отношений и радикально не вступают в конфликт с традиционными, основополагающими ценностями.

Следовательно, современная модернизация является чем-то принципиально иным по сравнению с тем, что понимает под модернизацией С. Хантингтон. То, что сегодня именуется модернизацией, является именно вестернизацией, которая, как отмечается в литературе, существует в двух формах: в форме европеизации (более мягкая форма) и в форме американизации (более жёсткая форма). Это и есть не просто заимствование не-западными обществами ценностей институтов и типов социальных связей, присущих Западу, но как раз навязывание (принимающее самые различные формы) их не-западным обществам. О том, что невозможно без последствий (чаще всего негативных) пересаживать те институты и т.п., органически выросшие на западной почве, на почву не-западных обществ, писали и Н. Я. Данилевский, и А. Дж. Тойнби.

К числу современных традиционных (или традиционалистских) обществ относят общества Востока (как Ближнего, так и Среднего, и Дальнего). Для них в той или иной степени характерно отношение к существующему жизненному укладу как изначально и навсегда данному. Здесь традиции, обычаи и просто привычки являются основными регуляторами взаимоотношений между людьми, а жизнь и поведение отдельного индивида подчинены неизменному порядку, исходящему от общества и государства. Это придаёт традиционным обществам стабильность и противление внешним влияниям. В таких обществах, кроме того, материальная сторона жизни менее значима по сравнению с духовной, а в духовной значительное место занимает религия. Конечно, разные религии по-разному определяют соотношение сакрального и секулярного в жизнедеятельности человека и общества. Так, например, буддизм, ориентирующий человека на достижение нирваны (то есть фактически на уход из жизни), мало значения придаёт обществу и государству. Христианство, провозгласив тезис о свободе воли человека, дарованной ему Богом, разделяет сакральную сферу (Царство Божие) и сферу секулярного (царство кесаря). Ислам же не проводит границы между сакральным и секулярным и потому императивы и нормы религиозные для него являются также императивами политическими, юридическими и экономическими. Ислам и шариат требуют беспрекословного подчинения верующего общественно-религиозному целому.

Модернизация, которая в последнюю пару столетий стала идентичной вестернизации, связана с экспансией Запада на другие регионы планеты. И если её не сводить, подобно Хантингтону, к внедрению в эти регионы технических достижений и технологий, а понимать как внедрение определённых западных социальных институтов, жизненных стандартов и ценностей, то нельзя не прийти к заключению о том, что она является непосредственной угрозой самому существованию не-западных обществ, их политическим режимам и системам власти. Особенно это относится к тем обществам, которые ориентированы на ислам. Ведь он – по сравнению с другими религиями – более всего ориентирован на стабилизацию традиционных социальных структур и ценностей. Для них модернизация-вестернизация означает коренную ломку всего уклада жизни, а, следовательно, утрату своей идентичности и в пределе – прекращение существования. И государства исламского региона сегодня, как никогда, переживают вспышки нестабильности. Это – одна из форм их ответа на навязываемые им процессы модернизации. Как отмечает Н. Н. Моисеев, «одной из причин нестабильности в

мусульманском мире является принципиальное неприятие либерализма (и демократии западного образца)» [2, с.19].

Современный мусульманский исследователь С. Х. Наср пишет: «Современный мусульманин оказывается в более трудной ситуации, чем западный человек, так как перемены, охватывающие Восток, имеют более стремительный характер и зачастую более разрушительны, чем на самом Западе. Так или иначе, Запад меньше теряет перед натиском модернизма, в то время как значительное духовное богатство, накопленное Востоком, подвергается постоянной опасности уничтожения со стороны Запада посредством книг, радио или бульдозера» [3, с. 481]. Но, конечно, дело не в самих по себе книгах и радио, и тем более не в бульдозере, которым ничто не мешает пользоваться мусульманам без угрозы нанесения ему ущерба. Дело в содержании книг и программ радиовещания. И С. Х. Наср, разумеется, это хорошо понимает. При этом он подчёркивает, что на мусульман, живущих в отдалённых уголках исламского мира, процессы модернизации почти не оказывают никакого влияния, поскольку они туда не доходят. В городах же, и особенно в центральных, ситуация иная: «мусульманин, живущий в одном из центров исламского мира, в той или иной степени затронутый модернизацией, живёт в поле полярной напряжённости, создаваемой двумя соперничающими типами мировоззрений и системами ценностей. Эта напряжённость зачастую отражается в его сознании и душе, в результате чего он становится раздвоенным в самом себе, испытывая глубокую потребность в реинтеграции» [3, с.482].

Возникает вопрос: влияют ли как-либо процессы модернизации на политическую власть в обществах традиционного типа? На наш взгляд, ответ может быть дан утвердительный. В то же время, как уже отмечено, сами традиционные общества, существенно различны между собой. Поэтому, как известно, в Японии, Южной Корее, Сингапуре, на Тайване и др. модернизация не привела ни к кризису политической власти, ни к её деформации, ни как-то радикально на неё повлияла. В Японии, например, даже сохранились многие традиционные институты и ценности. Следовательно, в этих государствах модернизация не только не представила собой угрозу системе политической власти, но даже была использована для укрепления этой власти. В странах же исламского региона именно в силу того, что ислам не проводит различия между религиозной и светской жизнью и что здесь верховная власть, в конечном счете, принадлежит религиозным центрам, модернизация представляет собой угрозу политической власти.

Следующей важной мировой тенденцией нами названа глобализация. На сегодня единой концепции и единой оценки этих процессов пока нет. Существуют две крайние точки зрения на феномен глобализации и соответственно – его оценки: 1) позитивно-приемлющая, определяющая его как неизбежный и закономерный процесс и итог предшествующего исторического развития, несущий человечеству благо; и 2) негативно-отвергающая, определяющая его как систему волюнтаристских акций в мировом масштабе, несущую выгоду одной (меньшей) части населения планеты и урон другой (большей) его части. На второй позиции базируются концепции и практические акции антиглобалистов. Но это, – так сказать, крайнее выражение данной позиции. Более умеренная позиция различает глобализацию и глобализм. Её сторонниками являются, например, А. С. Панарин и А. А. Хамидов. Последний под глобализмом понимает осуществляемую ныне из единого мирового центра, каковым являются США, политику раздела мира на процветающую группу государств (так называемый «золотой миллиард») и обречённую на прозябание периферию. Они отмечают, что идеология глобализма радикально отличается от идеологии эпохи западноевропейского Просвещения в понимании сущности исторического прогресса и будущего человечества. Согласно идеологии Просвещения, господствовавшей не только в странах социалистического содружества, но и в передовых капиталистических странах примерно до начала 70-х годов XX-го столетия, прогресс должен охватывать всё земное человечество, без каких-либо исключений. Идеология же глобализма связывает прогресс лишь с небольшой частью

человечества – с так называемым «золотым миллиардом». Эта идеология провозгласила установление нового мирового порядка, именуемого однополярным миром. А. А. Хамидов пишет: «Сегодняшний мировой порядок – это регулирование и регламентирование всемирно-исторического процесса из одного-единственного центра в одностороннем порядке и только в интересах самого этого Центра» [4, с.25].

В полном соответствии с этой идеологией, считают указанные авторы, осуществляется и международная политика глобализма. Основная цель данной политики – как можно быстрее присвоить себе природные ресурсы, которые катастрофически исчерпываются на планете. Как отмечает А. С. Панарин, «глобализм не идёт дальше присвоения глобальных (планетарных) ресурсов алчным меньшинством “избранных”, считающих всё остальное человечество недостойным этого богатства».

Глобальные ресурсы для узкоэгоистических интересов меньшинства – вот настоящее кредо “глобализма”...» [5, с.15] Эти ресурсы предназначены-де для процветания «золотого миллиарда». Однако эти ресурсы в большинстве своём сосредоточены на территориях тех государственных образований, которые не включены в число «избранных». Поэтому политика глобализма – это в первую очередь геополитика. Установка на мировое господство «золотого миллиарда», на его безраздельную власть над миром требует решения именно геополитических проблем.

Конечно, в таком изображении глобализация выглядит всецело волюнтаристской акцией, инициированной некоторой когортой заговорщиков. Это, – очевидно, не вполне объективное объяснение. На наш взгляд, глобализация (если её не отождествлять с глобализмом) означает не что иное, как превращение исторического процесса во внутреннесвязанный и единый, в отличие от того многотысячелетнего периода в истории человечества, когда она была разрозненной историей многообразных общественных образований. В этом смысле процесс этот внутренне закономерный и объективный; упразднить его невозможно, не упразднив человечество. Но объективные закономерности и тенденции функционирования и развития общества и истории отличаются от естественно-природных закономерностей и тенденций тем, что последние люди не могут упразднить по своему желанию; они могут лишь оказывать влияние на характер их протекания. На протекание же общественно-исторических закономерностей и тенденций люди могут оказывать существенное – как стимулирующее, так и тормозящее, деформирующее, а то и деструктивное – влияние. В этом смысле на процесс глобализации, каким бы объективным он ни был, могут оказывать (и, скорее всего, оказывают) различное влияние те или иные заинтересованные мировые силы. На такой возможности и построена концепция глобализма как управляемой в частных интересах (в интересах «золотого миллиарда») глобализации.

В любом случае процессы глобализации имеют как позитивные, так и негативные стороны, и последних, как отмечают многие, больше. А. А. Галкин в этой связи пишет: «Любое крупномасштабное общественное потрясение имеет свою социальную составляющую. Одни попадают в число - выигравших, другие – проигравших. В условиях нынешней глобализации это членение особенно очевидно. Выиграли экономически наиболее развитые страны и опирающиеся на них крупные финансово-промышленные комплексы. Именно поэтому они выступают сейчас как основная глобализирующая сила. Проиграли многие менее развитые государства, в первую очередь насильственно глобализируемые, для которых движение к целостной системе мироустройства обернулось огромными материальными и социальными издержками. Говорят, что такие издержки – необходимая плата за поступательное движение человечества. Тем не менее, открытым остаётся вопрос, не является ли эта плата неоправданно высокой» [6, с.167].

Выше мы рассматривали вопрос о характере и степени влияния процессов модернизации на статус суверенных государств и на политическую власть в этих государствах. Мы выяснили, что наибольший урон эти процессы наносят тем государствам, которые, если и не являются всецело исламскими теократическими

режимами, то в качестве официальной, государственной идеологии имеют ислам. Но и здесь частичная модернизация (т.е. те аспекты модернизации, которые не наносят ущерба традиционным структурам общественных отношений и духовным ценностям) идёт во благо. Обратимся теперь к вопросу о характере влияния на суверенитет национального государства процесса глобализации.

Сторонники различения глобализации и глобализма, утверждающие, что на современном этапе в мире доминирует именно глобализм, стратегической целью которого является присвоение мировых полезных природных ресурсов ради корыстного использования их во благо «золотого миллиарда», видят в политике глобализма угрозу государственным суверенитетам. Дело в том, что основные запасы природных ресурсов сосредоточены на территориях тех государственных образований, которые глобалистами зачислены в разряд периферийных, недостойных входить в состав «золотого миллиарда». Следовательно, главной помехой на пути осуществления политики глобализма являются сильные национальные государства. А таковыми могут быть лишь те, в которых все уровни политической власти гармонизированы и имеют своей целью дальнейшее укрепление национальной государственности. «“Глобалисты”, – пишет А. С. Панарин, – всеми силами стараются ослабить и дискредитировать национальное государство – именно за то, что оно мешает их глобальному хищничеству» [5, с.9]. Формы такого ослабления и дискредитации весьма разнообразны [4, с.27-30]. Существенной акцией в деле этого ослабления, как отмечает А. А. Хамидов, является «способствование как можно более стремительному разложению прежних национально-государственных элит и конституированию новых. Прежние элиты – экономические, политические, интеллектуальные, – во-первых, не были абсолютно противопоставлены своим народам, во-вторых, они выражали и отстаивали национально-государственные интересы в их единстве с интересами общечеловеческими. Новые элиты ориентированы противоположно» [4, с.28]. Это, разумеется, относится не ко всем членам элиты, но та часть, которая поддаётся глобалистскому влиянию, видит свои собственные интересы уже за пределами своего национального государства. В особенности усилия глобалистов направлены на то, чтобы разложить властные элиты всех уровней, особенно, конечно, среднего уровня, уровня мезовласти, поскольку именно она, как отмечено выше, составляет каркас системы политической власти.

Но об этом пишут не только эти авторы. Так, например, В. Б. Кувалдин, не противопоставляющий друг другу глобализацию и глобализм и видящий в современных глобализационных процессах положительно им оцениваемую тенденцию становления глобального сообщества, или мегаобщества, пишет: «“Увидеть” мегаобщество мешают сложившиеся, прочно укоренившиеся представления о современном государстве как наиболее крупной из возможных человеческих общностей. Эти представления заданы моделью нации-государства, которая доминировала на протяжении Нового времени. За пять веков своего существования и бурного развития нации-государства утвердились в нашей ментальности как альфа и омега человеческого бытия. Хотя история знает немало примеров человеческих сообществ, выходящих далеко за национально-государственные рамки, – великие империи древности, мировые религии, Европа позднего средневековья, однако сегодня в обыденном сознании национальные государства предстают как универсальная форма организации общества, в которой как бы отныне и навеки отлито человеческое бытие» [7, с.37].

Но на пути становления мегаобщества стоят не только «устаревшие» представления о национальном государстве как идеале человеческой общности. На этом пути встают и сами эти государства. В. Б. Кувалдин так прямо и пишет: «Центральная и наиболее сложная проблема глобализации – как будут строиться отношения между формирующимся мегаобществом и национально-государственными организмами» [7, с.38]. И он вполне отдаёт себе отчёт в том, что «глобализация предстаёт отрицанием национального государства, которому в мире глобальных норм, ценностей, структур и

институтов грозит вымирание» [7, с.39]. Следовательно, и А. С. Панарин, и В. Б. Кувалдин одинаково видят место и роль национального государства в контексте процессов глобализации, но оценивают их противоположным образом.

Следовательно, влияние глобализации на национальное государство является более сильным, чем влияние модернизации. Тенденция глобализации (по крайней мере, в той форме, в какой она сегодня себя проявляет) и тенденция сохранения национального государства представляются трудно совместимыми. Однако конец истории (вопреки Ф. Фукуяме) ещё не наступил. Однополярный мир показал свою несостоятельность, наступил международный финансовый кризис... Как всё это повлияет на национальное государство, сегодня сказать трудно. Это требует своего исследования.

Литература:

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.
2. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. - 1995. - № 1. «Вот почему, – добавляет он, – как ответ на развитие модернизационных процессов в большинстве мусульманских стран расцветает исламский фундаментализм и неизбежно ему сопутствующий терроризм» (Там же, с. 20).
3. Наср С. Х. О столкновении принципов западной и исламской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. - М., 2001.
4. Хамидов А. А. Проблема глобализации без альтернативы: глобализм или антиглобализм // Евразия. - 2005. - № 1.
5. Панарин А. С. Испытание глобализмом. - М., 2000.
6. Галкин А. А. О глобализации без иллюзий // Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? (Вызовы – версии – перспективы). - М., 2002.
7. Кувалдин В. Б. Глобализация, национальное государство и новый мировой порядок // Политика. - 2002. - № 2 (25).

